Белоусов М. С. Святейший Синод и политический кризис междуцарствия / М. С. Белоусов, Т. В. Лебенкова // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 340—358. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-340-358.

Belousov, M. S., Lebenkova, T. V. (2020). Holy Synod and Political Crisis of Interregnum. *Nauchnyi dialog, 5:* 340-358. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-340-358. (In Russ.).

УДК 94(47)"1825.12.14"

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-340-358

Святейший Синод и политический кризис междуцарствия¹

- © Белоусов Михаил Сергеевич (2020), orcid.org/0000-0002-6646-3927, ResearcherID A-9587-2015, SPIN 2384-6178, кандидат исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), m.s.belousov@gmail.com.
- © Лебенкова Татьяна Васильевна (2020), orcid.org/0000-0001-9407-2694, ResearcherID AAJ-8125-2020, SPIN 1078-3350, лаборант-исследователь, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), t.v.lebenkova@gmail.com.

Рассматриваются особенности развития династического кризиса междуцарствия 1825 года через призму функционирования одного из ключевых органов государственной власти — Святейшего синода. Анализ литературы позволяет сделать вывод, что в современной историографии события присяги великому князю Константину Николаевичу получили противоречивые оценки. Отмечается, что в результате появилось несколько интерпретационных схем произошедшего в столице 27 ноября. Обращение к документообороту Синода дает возможность утверждать, что с точки зрения логики функционирования государственного аппарата произошел государственной переворот. Анализ повседневной деятельности, ключевых бюрократических формул в протоколах подводит к заключению, что бюрократическая реакция на присягу Константину не соответствовала сформировавшимся традициям и отличалась поспешностью и внутренней противоречивостью. Это отразилось прежде всего в решениях 27 ноября: Синод принимает решение о присяге, опираясь на устные сообщения синодальных членов, но на следующий день дублирует собственное решение, ссылаясь на ведение Сената. При этом сравнение с событиями 12—14 декабря показывает, что восшествие на престол Николая Павловича было проведено в соответствии со сложившимся в предшествующее столетие порядком и отличалось нарочитой юридической точностью и последовательностью.

Ключевые слова: политический кризис; междуцарствие; Николай I; Синод; присяга; государственный переворот.

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Тема: «Антропология политического кризиса: кейс междуцарствия 1825 года». Проект № 19-78-00040.

1. Введение

27 ноября 1825 года в Санкт-Петербург пришло сообщение о смерти Александра I. Страшное известие застало царскую семью во время молебна в церкви Зимнего дворца. События развивались стремительно: Николай Павлович узнает от М. А. Милорадовича о произошедшем, приказывает прекратить службу и вопреки манифесту умершего императора произносит слова присяги своему старшему брату — Константину Павловичу [Междуцарствие ..., 1926, с. 130]. После этого Николай, действуя быстро и решительно, способствовал присяге караула, гвардии и высших органов государственной власти.

Первый историк междуцарствия 1825 года М. А. Корф объяснит подобное поведение Николая рыцарским благородством великого князя: «Долг сыновий был исполнен. Предстоял еще один священный долг — старшего сына Русской земли» [Корф, 1857, с. 50]. Отметим, что М. А. Корф четко зафиксировал всю картину событий (присяга Николая по собственной инициативе — его требование, чтобы принесли присягу и члены Государственного совета, — манифест Сената), но сделал при этом акцент именно на том, что великий князь руководствовался исключительно благородными мотивами и точно следовал букве закона [Корф, 1857, с. 50—62]. Первые критики его работы ничего противоестественного в юридическом смысле слова в описанных событиях не обнаружили, представив эпизод как образчик наигранного и демонстративного рыцарства, то есть, по сути дела, повторяя концепцию Корфа, но знак плюс в оценке поступков великого князя заменяя на минус [14 декабря 1825 года и император Николай ..., 1994, с. 164—166].

Интересную интерпретацию этих событий в 1925 году предложил А. Е. Пресняков. Назвав события междуцарствия династическим кризисом, он первым связал поступки Николая 27 ноября 1825 года с позицией столичного генерал-губернатора М. А. Милорадовича [Пресняков, 1926, с. 65]. По мнению историка, последний 25 ноября 1825 года «возражал решительно» против перехода престола Николаю, и именно под его давлением Николай 27 ноября 1825 года принес присягу старшему брату. Эта точка зрения долгие годы оставалась незамеченной советской историографией. Так М. В. Нечкина, фокусируя внимание на восстании 14 декабря 1825 года как первой попытке буржуазно-демократической революции, подчеркивая масштабность и глобальность происходящих событий, фактически проигнорировала проблему логики развития династического кризиса [Нечкина, 1955].

Но в 1980-е годы Я. А. Гордин на основе суждений А. Е. Преснякова в яркой литературной форме предлагает собственную концепцию:

М. А. Милорадович стремился возвести на престол своего старого боевого товарища — Константина и поэтому, опираясь на контролируемую им гвардию, фактически заставил Николая отказаться от претензий на престол [Гордин, 1989]. Подобный подход поддержали многие историки, и в 1990—2000 годах он прочно вошел в историческую память как ключевая интерпретационная схема причин возникновения междуцарствия. Об этом свидетельствует отражение концепции в произведениях конспирологического жанра [Брюханов, 2004] и в кинематографе — сошлемся, например, на недавно вышедший фильм «Союз Спасения» (2019, реж. А. Кравчук).

Близкую к оценкам А. Е. Преснякова точку зрения высказал В. А. Федоров. М. А. Милорадович выступил в пользу Константина, прежде всего, ориентируясь на общественное мнение: «невозможно заставить присягнуть войско и народ иначе, как законному наследнику» [Федоров, 1992, с. 183]. Подобное мнение принадлежит и Т. В. Андреевой: петербургский генерал-губернатор «не столько хотел стать "делателем царей", сколько пытался соблюсти законность, хотя бы в юридических нормах самодержавной монархии» [Андреева, 2009, с. 555]. Противоположный подход (именно в нормативной составляющей вопроса) к этой проблеме предложил М. М. Сафонов. Он обратил внимание, что в России сложился четкий порядок перехода престола: 1) император умирает, 2) его наследник издает манифест о восшествии, 3) проводится присяга в соответствии с клятвой, приложенной к манифесту. По мнению М. М. Сафонова, Николай, присягнув, не имея соответствующего манифеста, грубо нарушил «установленные обычаем правила присяги» [Сафонов, 1995, с. 168] и тем самым спровоцировал политический кризис междуцарствия. Но данная проблема не получила дальнейший разработки: каким образом действия великого князя повлияли на логику функционирования государственной машины в переломный момент перехода престола? Историка увлекла другая мысль: инициатором поступка Николая стала Мария Федоровна, лидер партии акционеров Русско-американской компании, стремившаяся максимально запутать династическую ситуацию и проложить себе дорогу к престолу.

Мы же ранее отмечали, что такое важное наблюдение не может не подразумевать дальнейшего исследования данного сюжета и нуждается в существенном уточнении [Belousov, 2018, р. 356—357]. Так, например, декабристы обратили внимание на возникшую юридическую коллизию: правоустанавливающим документом оказался не манифест нового императора, а постановление Сената [Восстание декабристов, 1976, с. 85; Восстание декабристов, 1925, с. 42]. Также о решающей роли Николая, а не Мило-

радовича, писали послы иностранных государств [Невелев, 2012, с. 126; Белоусов, 2020, с. 357—372].

Анализируя приведенные точки зрения, можно сделать вывод, что разгадку специфики возникновения политического кризиса междуцарствия следует искать в том, как эти события отразились в деятельности государственных органов. В настоящей статье мы предпримем попытку рассмотреть документооборот Святейшего синода и выявить типичное и экстраординарное в его жизни в период политического кризиса междуцарствия. в скобках отметим, что подобные case-study применительно к другим кризисам дали возможность существенно дополнить представления об их генезисе [Бабкин, 2017, с. 522—544].

2. Присяга 27 ноября

В результате преобразований Петровской эпохи и появления высших государственных органов (Правительствующего сената и Святейшего синода) в России с 1725 года формируется четкая система бюрократической реакции на изменения на престоле. Правоустанавливающим документом, начинавшим новое царствование, становился манифест восходящего на престол монарха. Процесс утверждения этой практики происходил с 1725 по 1741 годы. Екатерина I была провозглашена совместным манифестом Сената и Синода [ПСЗ РИ, 1830, т. 7, с. 411]. Анна Иоанновна заняла престол по манифесту Верховного тайного совета [ПСЗ РИ, 1830, т. 8, с. 246— 247], но затем издала отдельный документ, уже сопровождаемый текстом присяги [ПСЗ РИ, 1830, т. 8, с. 253]. После ее смерти последовательно появились два манифеста «О поступлении в управления...», de facto провозглашавшие сначала регентство Бирона [ПСЗ РИ, 1830, т. 11, с. 276—277], а затем Анны Леопольдовны [ПСЗ РИ, 1830, т. 11, с. 300—301]. С воцарением Елизаветы Петровны порядок окончательно сформировался: императрица заявила манифестом о восшествии на престол, к которому прилагался текст клятвенного обещания [ПСЗ РИ, 1830, т. 11, с. 537—538].

В дальнейшем именно подобная форма утвердилась, и все последующие переходы престола вплоть до 1825 года происходили по этой типичной схеме. Как правило, за императорским манифестом следовало ведение (отношение) Сената. В протоколах Святейшего Синода мы находим отсылки к обоим документам. В 1741 году «по указу Ее Императорского Величества Святейший правительствующий синод по ведению Правительствующего сената» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 120, № 48] стал проводить присягу. А 20 лет спустя, в 1761 году, «Святейший правительствующий синод слушали сообщенного сего декабря 26 числа Правительствующего сената ведение,

причем прислано печатных с манифеста, каков о кончине Ее Императорского Величества императрицы Елизаветы Петровны и о восшествии на всероссийский императорский престол Его Императорского Величества государя императора Петра Федоровича» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 222, № 53]. По похожему сценарию происходило оформление восшествия на престол Павла I и Александра I. Воцарение Екатерины II происходило по той же юридической схеме, с одним единственным отличием. В протоколах Синода в качестве правоустанавливающего документа упоминается только ее манифест: «получен указ Ее Императорского Величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны за подписанием Ее Императорского Величества собственные руки» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 224, № 62].

Таким образом, следовало бы ожидать, что сформированная модель будет реализована и в 1825 году. После смерти Александра I его наследник издаст манифест, на его основе появится распоряжение Сената, и, опираясь на эти документы, Синод начнет организацию присяги. Подобную схему можно считать традиционной и типичной. Но династический кризис наложил свой отпечаток.

Приближаясь к рассмотрению периода междуцарствия, отметим, что, несмотря на все перипетии последних лет царствования Александра I, Святейший синод продолжал оставаться ключевым органом управления Церковью и религиозной жизнью в целом. В его компетенцию входили: утверждение избрания и рукоположения духовных лиц в определенный сан, учреждение новых кафедр, рассмотрение церковных судебных дел (вопросы расторжения брака, злоупотребления духовенства), а также применение цензуры в отношении богословских произведений. Синод образовывали первоприсутствующий (первенствующий) и синодальные члены, которые назначались лично императором. Накануне и во время междуцарствия его состав оставался неизменным и включал: Серафима (Глаголевского) митрополита Новгородского и Петербургского, Евгения (Болховитинова) митрополита Киевского и Галицкого, Иону (Павинского) архиепископа Тверского, Авраама (Шумилина) архиепископа Ярославского, духовника Павла Криницкого и обер-священника Иоанна Державина. А должность обер-прокурора, ключевого государственного чиновника, определяющего ход делопроизводства Синода, с 1817 года занимал П. С. Мещерский.

Характеризуя организацию, порядок и систему работы Синода, обратим внимание, что в течение 1825 года ежемесячно проводилось в среднем 8—10 заседаний, на каждом из которых рассматривалось до 30 различных вопросов. Заседания проходили каждые 3—4 дня, но иногда в работе Синода случались перерывы: общих собраний не было в течение 7—10 дней.

Вопросы рассматривались по мере их накопления: большинство (выше 95 %) протоколов начинаются с фразы: «...по указу Его Императорского Величества слушали». В ноябре 1825 года было проведено восемь заседаний, в декабре — десять.

Повседневную работу Синода можно представить, рассмотрев последнее до наступления междуцарствия заседание, состоявшееся 18 ноября. Сначала слушали «записку по делу о притеснениях Костромской округи погоста Мостов Николаевской Церкви священника Стефанова, чинимых якобы им прихожанам его» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 64]. После этого «слушали предложение с приложением в списках духовного завещания умершей коллежской секретарши Матрены Копниной и отношении г<осподина> почетного опекуна С. -Петербургского опекунского совета о сумме, завещанной Копниной в пользу бедных монастырей» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 65]. Обсуждали «предложение г<осподина> синодального обер-прокурора о разрешении вопроса касательно действительности брака, венчанного по Моисееву закону, в том случае, когда одно из брачивших лиц обратится в православие, а другое останется при своем заблуждении» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 66]. Рассматривали вопрос «о расторжении брака помещичьего крестьянина Алексеева с женою его Николаевой за давнею неизвестностью о ней с 1814 года» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 67] и приняли достаточно шаблонное решение: брак может быть расторгнут, крестьянину разрешено вступить во второй брак, а его жену навсегда оставить «безбрачною». После этого в течение девяти дней заседаний не проводилось — вплоть до 27 ноября 1825 года, когда члены Синода собираются в связи с известиями о смерти Александра I.

Итак, в столицу прибывает курьер и сообщает печальное известие. Николай осуществляет присягу и приводит к ней караул, гвардию и высшие государственные органы. В ходе присяги произносился текст «клятвенного обещания». В предшествующих случаях он регламентировался манифестом о восшествии на престол и прилагался к нему. Источников о том, какой именно текст использовался для присяги в первые часы, не существует. Но можно предположить, что он не отличался от приложенного к сенатскому манифесту, изданному в тот же день — 27 ноября 1825 года, но позже. Этот текст полностью повторяет «клятвенное обещание» из манифеста о восшествии на престол 1801 года [ПСЗ РИ, 1830, т. 26, с. 583—584]: изменено лишь имя и несколько знаков пунктуации [ПСЗ РИ, 1830, т. 40, с. 616—617].

Обратим внимание, что павловский указ 1797 года четко устанавливал очередь престолонаследия: от отца к сыну, к младшему брату и т. д. Присяга приносилась как действующему императору, так и его наследнику.

В 1801 году таковым, в соответствии с законом, являлся Константин. Но согласно манифесту о восшествии на престол Александра I «клятвенное обещание» приносилось ему и «Его Императорского Величества Всероссийского престола наследнику». Имя наследника Александр I сознательно не называл, не желая усиления фигуры младшего брата и рассчитывая на появление сына. 27 ноября 1825 года была использована точно такая же формула: Николай приносил присягу императору Константину и неназванному наследнику. Подчеркнем, что речь идет о присяге Константину, находящемуся в морганатическом браке: гипотетические дети не могли бы иметь никаких прав на российский престол согласно действующему законодательству. Этот момент подчеркивает всю поспешность принятия решений и суматоху мгновенной присяги. События развивались стремительно: получено известие о смерти, Николай совершает и организовывает присягу, в тот же день Сенат издает манифест, к которому приложен текст клятвенного обещания. У ключевых акторов данного действа просто не было возможности обсудить этот нюанс, поэтому, видимо, Сенат использовал старый текст, лишь изменив имя.

Анализируя основной текст манифеста, Н. Д. Потапова пришла к выводу, что «при всех дискурсивных отличиях манифест отражал привычную, рутинную практику, оставив ритуальные формы» [Потапова, 2017, с. 129]. С подобным тезисом вряд ли можно согласиться. Прежде всего, отметим, что юридически повторялась ситуация 1725 года: основанием для присяги населения становился манифест Сената, а не нового императора. И если в 1725 году можно было дать обоснованную мотивировку этого действия (по закону император назначает наследника, но Петр I этого не сделал), то в 1825 году никаких юридических оснований не существовало. Кроме того, правоустанавливающим действием Сенат обозначает устное сообщение министра юстиций. Здесь можно говорить о нарочитом исполнении закона о Сенате, согласно которому вопросы на обсуждение выносились только генерал-прокурором. А также обратим внимание на пассивную роль Сената в решении: манифест 27 ноября 1825 года сообщает, что Сенат присягнул и приказывает привести к присяге население.

Похожую картину мы можем наблюдать в протоколах Синода. В документах канцелярии Синода есть три записи от 27 ноября 1825 года, все они посвящены факту смерти Александра I и присяге законному новому императору — наследнику Константину. В первой из них говорится: «1825 года ноября 27 дня по полудни в 4 часа в собрание Святейшего правительствующего синода прибыв синодальные члены и г<осподин> обер-прокурор из Придворного большого собора, объявили, что Его Императорское Величество государь император Александр Павлович во время пребывания своего

в Таганроге, по объявлению Его Императорским Величеством Великим князем Николаем Павловичем и Государственным советом, сего месяца 19 числа в 10 часов по полуночи, по жестокой болезни от сего времянного жития отиде в вечное блаженство, и что они, синодальные члены и оберпрокурор, учинили присягу на верность подданства законному наследнику Его Императорскому Величеству государю императору Константину Павловичу в упоминаемом соборе» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 68]. Получается достаточно странная картина. Во всех предшествующих случаях Синод ссылался на манифест нового императора и ведение Сената. В данном случае в протоколе фиксируется, что члены Синода и обер-прокурор присутствовали на молебне, узнали о смерти Александра I и по решению Николая и Государственного совета осуществили присягу. Таким образом, как и сенаторы, члены Синоды действовали без какого-либо правоустанавливающего документа, следуя лишь устным распоряжениям.

Следующая запись очень похожа на предшествующую, она не заключает в своей формулировке какой-либо кардинально разнящейся информации: «...по воспоследовавшему печальному случаю, что по воле всемогущего Бога, государь император Всероссийский во время пребывания своего в Таганроге, по объявлению Его Императорским Величеством Великим князем Николаем Павловичем и Государственным Советом, сего месяца 19 числа в 10 часов по полуночи по жестокой болезни преставился от сей временной жизни в вечную» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 69]. Согласно этому протоколу во все подведомственные Святейшему синоду места были отправлены указы с повелением «во всех Российской империи монастырях, соборах и церквах надлежащее по преставе Его Императорском Величестве поминовение учинить по чиноположению церковному через целый год» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 69]. А последний документ содержит приказ о том, в какой форме и каким образом «возносить» в церковных службах императора и императорскую фамилию.

При этом записи от 27 ноября 1825 года достаточно короткие. Первая, как уже сказано выше, сообщает о смерти Александра I и присяге новому императору, вторая приказывает «учинить поминовение», третья посвящена распоряжению о том, в какой форме «возносить» в священнослужениях императора и императорскую фамилию. И только последняя из трех записей начинается со слов «по указу Его Императорского Величества». Обычно любой документ начинается именно с этой важной фразы. Соответственно, ясно проявляется ситуация междуцарствия, когда члены Святейшего синода принимают какие-то решения лично, а не в результате высочайшего указа или определения Правительствующего сената.

Следующие две записи датируются 28 ноября 1825 года. Это заседание словно продлевает предшествующее и посвящено тому же чрезвычайно важному вопросу. Святейший синод слушает ведение Правительствующего сената о кончине государя императора и о принесении присяги членами Сената Константину. Итак, Святейший синод 27 ноября 1825 года приказывает разослать приказы о смерти императора и листы присяги. А 28 ноября 1825 года рассматривается этот же вопрос, но теперь здесь присутствуют все традиционные отсылки, характерные для делопроизводства: по указу «Императорского величества» слушали ведение Сената. А противоречие, связанное с тем, что вопрос уже рассматривался, нивелируется припиской: «...из означенных экземпляров указа для должного исполнения разослать при указах из Святейшего синода <...> с тем, что присяги разосланы уже при особых пред сим указах» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 71].

Таким образом, мы видим, что вопрос о присяге Константину рассматривался фактически дважды. Первый раз (27 ноября 1825 года) — без правоустанавливающего документа и ведения Сената, а второй раз (28 ноября 1825 года) — по всей принятой бюрократической форме. Чрезвычайное и нетипичное решение встраивалось в модель делопроизводственной рутины. 28 ноября 1825 года приходилось на субботу. Государственные органы редко проводили заседания в этот день. Но незавершенность в оформлении важнейших для страны решений заставила синодальных членов провести заседание. Однако можно найти и другое объяснение: утром 28 ноября 1825 года Николай встречался с князем П. С. Мещерским [Записные книжки ..., 2013, с. 675], обер-прокурором Синода, человеком, по должности надзиравшим за законностью деятельности синодальных членов и определявшим формат рассмотрения вопросов.

Официально обер-прокурор выступил инициатором и второго решения. Запись протокола повествует о его предложении касательно формы ектений императорской фамилии: приказано напечатать экземпляры и отправить во все подведомственные Святейшему синоду места. То есть вносились изменения в порядок богослужения в части наименования представителей правящей династии: «Составленной на сем основании формы о возношении во всех священнослужениях Его Императорского Величества, Их Императорских Высочеств, напечатав до высочайшего утверждения оной в здешней синодальной типографии, разослать при указах для должного исполнения» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 72]. Решение о принесении присяги и изменения ектений традиционно символизировали начало нового царствования и завершение перехода престола.

Таким образом, рассматривая протоколы 27—28 ноября 1825 года комплексно, можно сделать вывод: сообщения о смерти Александра Павловича и присяге законному наследнику Константину Павловичу заключают в себе ряд особенностей, отличающих их от подобных сообщений в предшествующий период. В документах канцелярии Синода объявление о смерти императора и присяге наследнику престола было осуществлено с отсылкой на устные свидетельства синодальных членов, а не в результате письменных свидетельств — указа нового императора или же ведения Правительствующего сената. Единый по своей сути вопрос (поминовение умершего императора, присяга и изменение порядка богослужения) разделен на пять протокольных записей, относящихся к совещаниям, проходившим в течение двух дней. И самое главное: вопрос о присяге рассматривался фактически дважды. Первый раз в нетипичной, а второй раз в традиционной форме. Все это свидетельствует о чрезвычайности обстоятельств и крайней поспешности. Создается впечатление, что Синод стремился угнаться за молниеносно меняющимися обстоятельствами, что привело к нарушению традиционного порядка документооборота.

3. Присяга 14 декабря

С 30 ноября 1825 года Святейший синод приступает к работе в ординарном режиме. Постановления касались вопросов регулирования брачных отношений: слушали «о расторжении четвертого брака казака Федора Дорошенко со вдовою казачкою Яковлевою» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 73], рассматривали просьбы разрешить расторгнуть предыдущий брак и вступить в следующий — «о дозволении крестьянке Ковалевой за побегом мужа <...> вступить во второй брак» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 74], «...с изъяснением дополнительных, вследствие указа Святейшего синода, сведений по делу о просимом дозволении солдаткою Денчиновой вступить во второй брак за неизвестностию мужа ее рядовом Денчинове» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 77], «доношение синодального члена преосвященного Московского, о расторжении брака крестьянина Петрова с женою <...> о дозволении Петрову вступить во второй брак» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 78]. Также обсуждали и необычные брачные кейсы: «...о расторжении брака солдатки Андреевой с крестьянином Прохоровым, повенчанного при жизни первого ее мужа солдата Грачева» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 82] и «о расторжении брака дворового человека Иванова с женою его Рылевой, повенчанного в несовершеннолетстве» [РГИА, ф. 796, оп.209, д. 520, № 84].

Также на этом заседании рассматривались вопросы о дозволении иеромонахам, исполняющим дополнительные обязанности, получать допол-

нительное жалование [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 79]; «об оставлении оказавшихся в некоторых Церквах Псковской епархии жемчуга, драгоценных камней, серебра и золота неприкосновенными» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 80]; «Святейший правительствующий синод слушали записку из дела о рыбных ловлях Казанского архиерейского дома, отданных в содержание Заусайлову» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 81]; об отправлении крестьянина в отдаленный монастырь за привлечение на сторону раскольников людей православного вероисповедания [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 86]. Слушали прошение статского советника Кондратия Ищекина о разрешении построить в селе церковь [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 75], донесение епископа Тамбовского Афанасия о строительстве в деревне Хомутовке новой каменной церкви [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 83]. Затрагивали сюжеты, связанные с пострижением в монашество [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 85] или переводом из духовного ведомства в светское [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 87]. Не обошли заседание и проблемы, связанные с земельной собственностью [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 520, № 76].

2 декабря 1825 года синодальные члены занялись вопросами о недостойном поведении лиц, принадлежащих к духовному ведомству: «о пьянственных и буйственных поступках находящегося в причетнической должности священника Палки-роя-Никитенка и о лишении его сана с отсылкою в гражданское ведомство» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 2], «дьячек Петр Хомяков за непристойный в церкви поступок присужден в монастырские труды на полгода» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 7], «о пьянстве и буйственных поступках слободы Стрельцовой штатного диакона Павла Волкова, за что он присуждается к лишению сана с отсылкою в гражданское ведомство» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 23] и др. Также рассматривались определенные просьбы лиц, относящихся к духовному ведомству: «о снятии со вдового диакона Павла Иванова, по желанию его, сана сего» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 9], «с испрашиванием дозволения соборному иеромонаху Мельхиседеку по болезни его иметь жительство в Рязанской губернии, в доме отца его» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 12], жалоба диакона о притеснениях местного епархиального начальства [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 14], «о<б> увольнении бывшего учителя Введенского и ученика Никологорского из духовного ведомства в светское» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 22]. Затрагивали и брачные вопросы, в основном просьбы о повторной женитьбе [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 1, 4, 5], но были и разбирательства по поводу незаконного венчания при жизни законной супруги [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 8, 11].

На заседании 4 декабря 1825 года затрагивался обычный круг вопросов за исключением одного. Речь идет об указе «об учреждении печальной комиссии для погребения тела блаженной памяти государя императора Александра Павловича, с таковым между прочим постановлением, чтобы всех надобных в сию комиссию разного рода чинов и служителей отпускать от начальств по требованиям той комиссии» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 42]. Целесообразно подчеркнуть, что печальная комиссия была учреждена не сразу после получения известия о смерти Александра I, а только лишь спустя неделю. Причем этот вопрос рассматривался не как нечто чрезвычайное, а в рамках обычной бюрократический практики, к тому же последним — после обсуждения дел о «допущении казаков Черноморского войска к священно- и церковнослужительским местам в оном войске состоящим» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 26], «о сложении с прихожан <...> взысканий <...> за самовольную продажу от приходской их церкви колокола» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 27] и о прошении постриженного за границей иеромонаха Илариона об определении его в Саратовскую пустынь [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 37].

Таким образом, в Синоде неделя с 30 ноября (понедельник) по 4 декабря (пятница) 1825 года прошла в достаточно интенсивной работе. Члены Синода занимались обычными вопросами, относящимися к их компетенции. Если оценивать деятельность Синода статистически, то получится, что данный отрезок времени оказался одним из наиболее трудозатратных по количеству рассмотренных дел. Это объясняется достаточно длительным предшествующим перерывом: фактически с 18 до 30 ноября 1825 года в Синоде не обсуждались ординарные проблемы: о священнослужителях, браке и т. д. Заседание 8 декабря 1825 года прошло в том же духе, а затем в работе наступил перерыв до 14 декабря 1825 года — дня присяги новому императору.

В новейшей работе о Николае I подробно проанализирован характер его подготовки к восшествию на престол: 4 декабря 1825 года великий князь начал работу над манифестом, затем привлек к его подготовке Сперанского, вел интенсивную переписку с Константином и обсуждение происходящих событий с ближайшим окружением [Выскочков, 2018]. В конечном счете воскресным вечером 13 декабря 1825 года состоялось заседание Государственного совета, на котором великий князь заявил о восшествии на престол и стал новым российским императором.

Юридически Николай Павлович совершал государственный переворот. В стране был законный император Константин. Ему принесли присягу. В этих обстоятельствах Николаю I требовалось придать вид максимальной законности своему восшествию на престол. Поэтому в тексте манифеста

подробно излагается история отказа Константина в 1822 году, рассказывается о «высочайшем повелении» Александра I по поводу назначения Николая наследником, пересказывается история междуцарствия, а также прилагаются письма Константина, свидетельствующие о его нежелании принимать престол [ПСЗ РИ. Собрание второе, 1830, т. 1, с. 2—8]. Николай пошел на интересную уловку: включив неопубликованные манифест Александра и письма Константина в текст манифеста, он превратил частные документы в государственные постановления. Обратим внимание, что этот прием уже был использован его отцом: акт о престолонаследии 1797 года является публикацией в качестве государственного закона семейного установления — первоначально он был подписан Павлом и Марией Федоровной 4 января 1788 года [ПСЗ РИ, 1830, т. 24, с. 587—589].

На еще один юридический отголосок запутанной династической ситуации обратил внимание М. В. Зазыкин: Николай внесет правку в Указ о престолонаследии при его публикации в Своде законов — наследник престола получит право отказываться от этого права [Зазыкин, 1924, с. 131]. Возвращаясь к манифесту, необходимо еще отметить, что его сопровождал текст «клятвенного обещания» — абсолютно аналогичный произнесенному 27 ноября 1825 года, но, естественно, императором был назван Николай, а место неназванного наследника занял его старший сын — Александр Николаевич.

В ночь с 13 на 14 декабря 1825 года Николаю присягнули члены Государственного совета, ранним утром 14 декабря — сенаторы. Началось восстание: Московский полк вышел на Сенатскую площадь. Документы, связанные с присягой, поступили в Синод. И в тот же день были рассмотрены. В протоколах от 14 декабря 1825 года присутствует запись, возвещающая о вступлении на престол Николая I [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 62]. В этом протоколе мы видим все традиционные формулы: «по указу Его Императорского Величества Святейший правительствующий синод слушали ведение Правительствующего сената с приложением при оных печатных экземпляров высочайшего манифеста» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 62]. Синодальные члены и обер-прокурор присягнули новому императору. И одним постановлением было приказано напечатать манифест, клятвенное обещание и форму возношения императорской семьи при церковных службах. Затем эти документы были разосланы для приведения населения к присяге. Таким образом, восшествие на престол Николая Павловича прошло по всем канонам, сформировавшимся за последнее столетие. Оно являлось юридически безупречным с точки зрения делопроизводства — подготовленным и ординарным.

Тем временем восстание на Сенатской площади разрасталось. Прогремела картечь. Начались аресты членов тайного общества, в Зимнем были проведены первые допросы. В этой обстановке Синод собирается на заседание. Оно проходит 16 декабря 1825 года, и на нем рассматриваются абсолютно обыденные и злободневные вопросы: «с приставлением на рассмотрение обстоятельств, о побегах женок Дарьи и Матроны, двоюродных сестер, от мужей своих, из коих первая имеет сожитие с мужем последней, и о том, что консистория считает не принадлежащим до нее разбор сего дела» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 63], «об учинении справки о муже ее, Иване Соколовском, в неизвестности находящемся девятый год и о дозволении ей вступить во второй брак» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 70], «о дозволении помещичьему человеку Акимову вступить во второй брак за неизвестностию о первой его жене Лаврентьевой с 1816 года» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 72]. Обсуждают просьбу разрешить уничтожить 14 церквей в военном поселении [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 64], об удержании жалованья бывшего ректора семинарии [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 68], «об обременительных священноцерковнослужителей села Туманова с крестьян поборах» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 74] и др. Таким образом, жизнь Синода сразу же вернулась в обычное русло: синодальные члены занялись повседневными, рутинными, ничем не выделяющимися из общей массы задачами.

Но 18 декабря 1825 года был затронут сюжет, непосредственно касавшийся обстоятельств династического кризиса. Согласно протоколу Синода, дело обстояло следующим образом: министр юстиции генерал-прокурор Лобанов-Ростовский направил великому князю Константину постановление Сената о проведении присяги ему как императору. Константин заявил в ответ «о не принятии Его Высочеством отправленного им министром юстиции минувшего ноября 27 дня рапорта» [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 521, № 104]. Синодальные члены приняли решение копию ответа Константина напечатать в типографии и разослать по церквям и монастырям. Этот сюжет можно объяснить лишь логикой функционирования государственной машины. Однако отметим, что рассылка данного документа, так же как и в случае с манифестом, превращала частную корреспонденцию в государственный акт, что соответствовало стремлению нового императора к нарочитой законности.

4. Заключение

Подведем итоги. Анализ документооборота Синода дает возможность конкретизировать и уточнить возникшую в литературе гипотезу о том, что

Николай, присягнув Константину 27 ноября 1825 года, существенным образом нарушил традиции и нормы функционирования бюрократического аппарата. Поспешные шаги великого князя привели к юридической аномалии: и Сенат, и Синод впервые за столетие принимали решение о присяге без отсылки к манифесту нового императора о восшествии на престол, опираясь лишь на устные сообщения. Но уже на следующий день привычный порядок был восстановлен, и Синод продублировал собственные постановления, опираясь на ведение Сената. Документы свидетельствуют, что решения, принимаемые в эти дни, отличались неподготовленностью и представляли собой естественную бюрократическую реакцию на действия великого князя Николая. Однако его восшествие на престол, произошедшее спустя две с половиной недели, было оформлено юридически нарочито корректно и по форме не отличалось от логики и традиций большинства предшествующих случаев.

Данное наблюдение заставляет нас обратиться к сложной проблеме соотношения политических реалий и юридических установлений в процессе функционирования российской государственной машины. Э. Кинан и Н. Коллманн первыми в историографии обратили внимание на неформальный характер политической системы: статус протагонистов и конкретные условия определяли нормативную ситуацию, а не наоборот [Keenan, 1986, р. 115—181; Kollmann, 1987]. События 27 ноября 1825 года наилучшим образом иллюстрируют этот тезис. Николай Павлович вопреки существующим традициям и законам прямым вмешательством заставил присягнуть своему старшему брату весь правительственный аппарат и гвардию. Масштаб его участия (речь идет не о банальной присяге в церкви Зимнего дворца, а о давлении по отношению ко всем высшим учреждениям) не оставляют сомнений в том, что он действовал по своей инициативе, а не по принуждению М. А. Милорадовича. В таком случае возникает естественный вопрос о мотивах великого князя. Оставим его открытым для будущих исследований.

Acknowledgments: The study was carried out under a grant from the Russian Science Foundation, Project 19-78-00040 / Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 19-78-00040 «Антропология политического кризиса: кейс междуцарствия 1825 года».

Источники

- 1. *14 декабря* 1825 года и император Николай. Издано редакцией «Полярной звезды». По поводу книги барона Корфа. Лондон, 1858 // 14 декабря 1825 год и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). Москва : Наука, 1994. С. 65—206.
- 2. Восстание декабристов: документы. Т. 1. / под общ. ред. М. Н. Покровского. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1925. 585 с. (Материалы по истории восстания декабристов).

- 3. *Восстание* декабристов: документы. Т. 14. / под ред. М. В. Нечкиной. Москва: Наука, 1976. 508 с. (Материалы по истории восстания декабристов).
- Записные книжки великого князя Николая Павловича, 1882—1825 / под ред.
 В. Сидоровой, М. Н. Силаевой. Москва : РОССПЭН, 2013. 944 с.
- 5. Межедуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / подготовил к печати Б. Е. Сыроечковский. Москва ; Ленинград, Государственное издательство, 1926. 246 с.
- 6. ПСЗ РИ *Полное* собрание законов Российской империи. Т. 1—40. Санкт-Петербург: Типография II отделения Собственной Его Имп. Вел. Канцелярии, 1830.
- 7. ПСЗ РИ *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография II отделения Собственной Его Имп. Вел. Канцелярии, 1830. 1379 с.
- 8. РГИА *Российский* государственный исторический архив. Ф. 796. Канцелярия Святейшего синода. Оп. 209. Д. 120. № 48. Протоколы Синода 1721—1917 гг.: 26 ноября 1741 г.
- 9. РГИА *Российский* государственный исторический архив. Ф. 796. Канцелярия Святейшего синода. Оп. 209. Д. 222. № 53. Протоколы Синода 1721—1917 гг.: 27 декабря 1761 г.
- РГИА Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796.
 Канцелярия Святейшего синода. Оп. 209. Д. 224. № 62. Протоколы Синода 1721—1917 гг.: 28 июня 1762 г.
- 11. РГИА *Российский* государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Канцелярия Святейшего синода. Оп. 209. Д. 520. № 64—87. Протоколы Синода 1721—1917 гг.: ноябрь 1825 г.
- 12. РГИА *Российский* государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Канцелярия Святейшего синода. Оп. 209. Д. 521. № 1—104. Протоколы Синода 1721—1917 гг.: декабрь 1825 г.

Литература

- $1.\$ Андреева $T.\ B.$ Тайные общества в России в первой четверти XIX века. Правительственная политика и общественное мнение / Т. В. Андреева. Санкт-Петербург : Лики России, 2009. 912 с.
- 2. *Бабкин М. А.* Святейший Синод Православной российской церкви и свержение монархии / М. А. Бабкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62, Вып. 3. С. 522—544. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.306.
- 3. *Белоусов М. С.* Депеши испанского посла как источник по истории политической культуры междуцарствия / М. С. Белоусов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65, Вып. 2. С. 357—372.
- 4. *Брюханов В.* Заговор графа Милорадовича / В. Брюханов. Москва : АСТ ; Астрель ; Ермак, 2004. 415 с.
- 5. Выскочков Л. В. Николай I и его эпоха / Л. В. Выскочков. Москва : Академический проект, 2018. 999 с.
- 6. Гордин Я. А. Мятеж реформаторов, 14 декабря 1825 года / Я. А. Гордин. Ленинград : Лениздат, 1989. 400 с.
- 7. Зазыкин М. Царская власть и закон о престолонаследии в России / М. Зазыкин. София : Новая жизнь, 1924. 193 с.

- 8. Корф М. А. Восшествие на престол Николая I / М. А. Корф. Санкт-Петербург : Типография II отделения Собственной Его Имп. Вел. Канцелярии, 1857. 236 с.
- 9. *Невелев* Г. Декабристский контекст. Документы и описания / Г. Невелев. Санкт-Петербург: Издательский дом Мир, 2012. 768 с.
- 11. *Потапова Н. Д.* Трибуны сырых казематов: политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов / Н. Д. Потапова. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 416 с.
- 12. *Пресняков А. Е.* 14 декабря 1825 года / А. Е. Пресняков. Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1926. 226 с.
- 13. Сафонов М. М. Междуцарствие / М. М. Сафонов // Исторический опыт русского народа и современности. Дом Романовых в истории России: материалы к докладам конференции 19—22 июня 1995 г. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1995. С. 166—181.
- 14. *Федоров В. А.* Декабристы и их время / В. А. Федоров. Москва : Издательство Московского государственного университета, 1992. 272 с.
- 15. *Belousov M. S.* Political Allusions in the Decembrist Revolt / M. S. Belousov // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2018. Vol. 63, Iss. 2. P. 345—360. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2018.202.
- 16. Keenan E. L. Muscovite Political Folkways / E. L. Keenan // The Russian Review. 1986. Vol. 45. P. 115—181.
- 17. *Kollmann N. S.* Kinship and Politics. The making of the Muscovite Political Systeme, 1345—1547 / N. S. Kollmann. Stanford: California, Stanford University Press, 1987. 324 p.

HOLY SYNOD AND POLITICAL CRISIS OF INTERREGNUM¹

- © Mikhail S. Belousov (2020), orcid.org/0000-0002-6646-3927, ResearcherID A-9587-2015, SPIN 2384-6178, PhD in History, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saint-Petersburg State University" (St. Petersburg, Russia), m.s.belousov@gmail.com.
- © Tatyana V. Lebenkova (2020), orcid.org/0000-0001-9407-2694, ResearcherID AAJ-8125-2020, SPIN 1078-3350, research assistant, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saint-Petersburg State University" (St. Petersburg, Russia), t.v.lebenkova@gmail.com.

The features of the development of the dynastic crisis of the interregnum of 1825 through the prism of the functioning of one of the key public authorities — the Holy Synod is discussed in the article. An analysis of the literature allows us to conclude that in modern historiography, the events of the oath to Grand Duke Konstantin received conflicting estimates. It is noted that as a result there were several interpretative schemes of what happened in the capital on November 27. An appeal to the workflow of the Synod makes it possible to assert that from the point of view of the logic of the functioning of the state apparatus, a coup d'etat took

¹ Acknowledgments: The study was carried out under a grant from the Russian Science Foundation, Project 19-78-00040.

place. An analysis of everyday activities, the key bureaucratic formulas in the protocols leads to the conclusion that the bureaucratic reaction to the oath to Konstantin did not correspond to the established traditions and was distinguished by haste and internal contradictions. This was reflected primarily in the decisions of November 27: the Synod decides on the oath, relying on oral reports from the synodal members, but the next day duplicates its own decision, referring to the jurisdiction of the Senate. Moreover, a comparison with the events of December 12—14 shows that the accession to the throne of Nikolai Pavlovich was carried out in accordance with the order established in the previous century and was distinguished by deliberate legal accuracy and consistency.

Key words: political crisis; interregnum; Nicholai I; Synod; oath; coup d'etat.

MATERIAL RESOURCES

- 14 dekabrya 1825 goda i imperator Nikolay. Izdano redaktsiey «Polyarnoy zvezdy». Po povodu knigi barona Korfa. London, 1858. (1994). In: 14 dekabrya 1825 god i ego istolkovateli (Gertsen i Ogarev protiv barona Korfa). Moskva: Nauka. 65—206. (In Russ.).
- Mezhdutsarstvie 1825 goda i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarakh chlenov tsarskoy sem'i. (1926). Moskya; Leningrad, Gosudarstvennoye izdatelstvo. (In Russ.).
- PSZ RI *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. (1830).* Sankt-Peterburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Ego Imp. Vel. Kantselyarii. 1—40. (In Russ.).
- PSZ RI Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye vtoroye. (1830). Sankt-Peterburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Ego Imp. Vel. Kantselyarii. 1. (In Russ.).
- RGIA Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. Kantselyariya Svyateyshego sinoda. Protokoly Sinoda 1721—1917 gg.: 26 noyabrya 1741 g.
- RGIA Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. Kantselyariya Svyateyshego sinoda. Protokoly Sinoda 1721—1917 gg.: 27 dekabrya 1761 g.
- RGIA Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. Kantselyariya Svyateyshego sinoda. Protokoly Sinoda 1721—1917 gg.: 28 iyunya 1762 g.
- RGIA Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. Kantselyariya Svyateyshego sinoda. Protokoly Sinoda 1721—1917 gg.: noyabr' 1825 g.
- RGIA Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. Kantselyariya Svyateyshego sinoda. Protokoly Sinoda 1721—1917 gg.: dekabr' 1825 g.
- Vosstaniye dekabristov: dokumenty. (1925). Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoye izdatelstvo. 22/1. (In Russ.).
- Vosstaniye dekabristov: dokumenty. (1976). Moskva: Nauka. 22/14. (In Russ.).
- Zapisnyye knizhki velikogo knyazya Nikolaya Pavlovicha, 1882—1825. (2013). Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).

REFERENCES

- Andreyeva, T. V. (2009). *Taynyye obshchestva v Rossii v pervoy chetverti XIX veka. Pravitelstvennaya politika i obshchestvennoye mneniye*. Sankt-Peterburg: Liki Rossii. (In Russ.).
- Babkin, M. A. (2017). The Holy Synod of the russian orthodox church and the overthrow of the monarchy. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, *62 (3):* 522—544. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.306. (In Russ.).

- Belousov, M. S. (2018). Political Allusions in the Decembrist Revolt. *Vestnik of Saint Petersburg University. History, 63 (2):* 345—360. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2018.202.
- Belousov, M. S. (2020). The Dispatches of Spanish Ambassador as a Source of Interregnum's Political Culture. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 65 (2): 357—372. (In Russ.).
- Bryukhanov, V. (2004). Zagovor grafa Miloradovicha. Moskva: AST; Astrel; Ermak. (In Russ.).
- Fedorov, V. A. (1992). *Dekabristy i ikh vremya*. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).
- Gordin, Ya. A. (1989). *Myatezh reformatorov, 14 dekabrya 1825 goda*. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.).
- Keenan, E. L. (1986). Muscovite Political Folkways. The Russian Review, 45: 115—181.
- Kollmann, N. S. (1987). Kinship and Politics. The making of the Muscovite Political Systeme, 1345—1547. Stanford: California, Stanford University Press.
- Korf, M. A. (1857). Vosshestviye na prestol Nikolaya I. Sankt-Peterburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Ego Imp. Vel. Kantselyarii. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1955). Vosstaniye dekabristov. Moskva: Nauka. 2/2. (In Russ.).
- Nevelev, G. (2012). *Dekabristskiy kontekst. Dokumenty i opisaniya*. Sankt-Peterburg: Izdatelskiy dom Mir. (In Russ.).
- Potapova, N. D. (2017). Tribuny syrykh kazematov: politika i diskursivnye strategii v dele dekabristov. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.).
- Presnyakov, A. E. (1926). 14 dekabrya 1825 goda. Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Safonov, M. M. (1995). Mezhdutsarstviye. In: Istoricheskiy opyt russkogo naroda i sovremennosti. Dom Romanovykh v istorii Rossii: materialy k dokladam konferentsii. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 166—181. (In Russ.).
- Vyskochkov, L. V. (2018). Nikolay I i ego epokha. Moskva: Akademicheskiy proekt. (In Russ.).
- Zazykin, M. (1924). *Tsarskaya vlast' i zakon o prestolonasledii v Rossii*. Sofiya: Novaya zhizn'. (In Russ.).